

Schuster M. Homeless Voices. Stigma, Space, and Social Media

Lanham: Lexington Books, 2022. — 266 p.



Что каждый из нас представляет и что чувствует, когда думает о доме? Я, например, сейчас вспоминаю свой старый двор, где жила лет 18 назад. Воспоминание схватывает всего несколько минут, но оно нисколько не потускнело за прошедшие годы и по-прежнему мне дорого. Сгустившаяся, почти осязаемая темнота. Шорох мокрой листвы под ногами. Ребята на площадке один за другим признают своё поражение в препирательствах с родителями, от предупреждений уже перешедших к угрозам, и неохотно исчезают в подъездах. Я остаюсь сидеть на скамейке. Мне нравится вечерами смотреть на светящиеся окна, вглядываться в скользящие силуэты, пытаться различить детали домашнего обустройства и фантазировать, какие удивительные жизни протекают там, за окнами. Внезапно начинаю представлять, что что у меня нет дома и никому я не нужна. На глаза наворачиваются слезы. В окнах я вижу, как дети ужинают со

своими папами и мамами, а я одна-одинёшенька в этом мире. Я очень продрогла. Погрузившись в безрадостные мысли, вдруг я слышу своё имя. Я резко вскидываю голову. Это же моя мама меня зовет! Испытываю такое невероятное счастье, от которого щемит в груди. Я взлетаю на третий этаж, пропуская каждую вторую ступеньку, и вот я уже в тесной, но уютной кухне в нашей маленькой квартире. Мама печёт блины, а я потихоньку утаскиваю их к себе на тарелку. На улице моросит дождь, а у нас тепло. И меня любят.

Дом — это место, в котором тебе комфортно и безопасно. Дом — это место, где ты можешь приготовить себе поесть, принять горячую ванну — желательно с пеной, если день был тяжелый, — и нырнуть под одеяло. Дом — это место, в котором нуждается каждый. Дом — это часть тебя.

У кого-то этого дома нет. Как можно вообразить такой опыт тем, кто никогда не оказывался на улице? А нужно ли это делать в принципе?

Все это видели: пьяницы в грязной истрепавшейся одежде спят на скамейках, цепко прижимая к себе полиэтиленовые пакеты с каким-то барахлом, и источают тошнотворный смрад. Достаточно одного беглого взгляда, чтобы понять, что они уже давно перестали быть людьми. Отупевшие, мечтающие лишь выпить какую-то дешёвую дрянь и докурить брошенный прохожим бычок. Большинство бездомных именно такие, верно? Иногда ещё и вдобавок наркоманы. Богатое воображение услужливо рисует картину какого-то заброшенного здания, где эти не-люди, нетерпеливо закатав рукава, жадно пожирают глазами другого не-человека, который трясущимися пальцами держит ложку с героином, подогревая её зажигалкой. Один шприц на всех, конечно. Да они больны всем, чем только возможно. Вот наверняка именно из-за пьянства и наркомании они и потеряли дом. А если они ещё и агрессивны? Могут напасть, например, чтобы раздобыть денег на дозу. Так если они сами во всем виноваты, почему мы должны их жалеть или, что ещё более нелепо, выделять деньги из бюджета на поддержку их бессмысленного существования? Если им дадут жильё, то они же всё немедленно пропьют. Их уже не исправишь, да и не хотят они исправляться.

Безусловно, в этой гипотетической речи из уст гипотетического кого-то я намеренно сгущаю краски, довожу формулировки до абсурдной крайности, хотя в ряде случаев приходится сталкиваться буквально с такими же фразами.

Мой расчет на то, что рефлексирующий, восприимчивый к иронии читатель сразу распознает саркастические интонации в моей показной приверженности стереотипам в отношении бездомных, после чего можно будет перейти к стереотипизации того коллективного гипотетического кого-то и заявить, что этот кто-то наверняка недостаточно образован, не способен к состраданию, крайне эгоистичен и т. д. Но проблема в том, что я сама, хотя публично и произношу «правильные» слова, всё ещё не избавилась от стыдливого отворачивания к тем, кто живёт на улице, желания держать от них приличную дистанцию и от страха заговорить с ними и выслушать их истории. Я готовлю себя к этому, постепенно начитывая тексты тех исследователей, которые не испугались.

Книга Мэри Шустер «Стигма, пространство и социальные сети» (Homeless Voices. Stigma, Space, and Social Media) — один из таких текстов. Шустер поставила перед собой задачу дать голос тем, кто стеснялся говорить о себе, или говорил так тихо, что его не слышали, или тем, кого не хотели слышать: «... ты можешь раздобыть миску супа или свитер, но попробуй найти кого-то, кто будет готов пять минут тебя слушать» (р. 7). «Я лист на ветру, который даже не удостоится твоего внимания, когда ты на меня наступишь» (р. 14). «Люди проходят мимо и смотрят на тебя свысока. Смотрят сквозь наши глаза... Мы даже не просим денег, мы хотим, чтобы нас приняли» (р. 15).

Шустер изучала онлайн-блоги людей, переживающих в данный момент или переживших бездомность, просматривала интервью с бездомными в открытом доступе, читала мемуары про опыт бездомности от первого лица, чтобы бездомные могли сами рассказать свои истории без посредников и модерации. Стоит сразу подчеркнуть, что книга не является просто сборником цитат из блогов и интервью: Шустер исследует бездомность как сложную и многоаспектную кризисную ситуацию, тем самым обосновывая выбор трансдисциплинарной теоретической рамки (она обращается к социологии, исследованиям культуры, урбанистике, исследованиям права, исследованиям коммуникационных технологий и т.д.) для анализа множества факторов стигматизации, маргинализации и пространственной сегрегации бездомных (р. 2).

Помимо обращения к личному опыту бездомных, для интерпретации причин проблемы бездомности на системном уровне она также скрупулезно в ретроспективе исследует изменения в законодательных документах, имеющих отношение к регламентации политики в области бездомности, а также демонстрирует, как посредством определённых тропов в публичном пространстве формируется стереотипный образ бездомного (бездомность как личная ответственность человека, следствие его лени, злоупотребления алкоголем, наркотиками, психической болезни и т.д.), как метафорический язык становится для доминирующего класса (р. 176) средством угнетения, инкорпорируется в наш «здравый смысл», имитирует нейтральность и объективность (р. 63, 66).

Тиражируемый социальный конструкт бездомности позволяет отвлечь внимание от обуславливающего сохранения бездомности структурного неравенства и, что особенно ранит, заставляет самих бездомных стигматизировать себя: «Я уверена, что глупость — главная причина бездомности <...> Я виновата в своей глупости <...> Я виновата, что я ставлю превыше всего желание поест» (р. 7). Так, бездомные часто считают себя неудачниками, людьми второго сорта (р. 9). Тела превращаются в тропы, а тропы обретают материальное воплощение (р. 14).

Поскольку Шустер уделяет такую значительную роль метафоре, основной метод, который она использует, — анализ риторических приёмов и их влияния на политику и повседневное восприятие (р. 4, 13) на эксплицитном и имплицитном уровнях и стратегий их использования для подрыва доминирующих нарративов, в частности критической рефлексии и создания бездомными своего этоса, завоевания доверия (р. 52, 70, 93, 179). Проблема такого метода, на мой взгляд, заключается в том, что он напоминает редуцированную версию дискурс-анализа и сводится к выделению слов и фраз, употребляемых в отношении бездомных людей, на основе «индуктивного кодирования» блогов и мемуаров (р. 26). Как именно происходило это кодирование, она не поясняет.

Меня искренне восхищает, как Шустер удаётся сохранять критически важную для исследователя отстраненность. Мне кажется, это особенно сложно, когда в научный нарратив необходимо вплести фрагменты из тревожащих, ужасающих, действительно имевших место личных историй. Эти истории, в первую очередь, — эмпирический материал. Эти истории в чём-то очень разные, а в чём-то схожие, и их интерпретация вместе с анализом других источников позволяет выдвинуть гипотезы более комплексного характера, а не фокусироваться лишь на индивидуальном опыте, однако такой подход вовсе не отрицает значимость эмпатии. Просто нельзя отдаваться ей без остатка.

На основе исторического материала, блогов и мемуаров исследовательница строит нарратив, наводя фокус на следующие аспекты:

Стигматизация, маргинализация и инакомыслие. Раса, гендерная идентичность, наличие тюремного срока, этническая и религиозная идентичность (р. 72, 75, 84; 89, 108, 176) — факторы, которые ощутимо повышают шансы быть изгнанными из «благополучного» общества и оказаться без дома. Эти характеристики могут накладываться друг на друга и тем самым практически лишают шансов вырваться из оков бедности, презрения, одиночества, навешивания ярлыков (употребление психоактивных веществ, алкоголизм, склонность совершать преступления) (р. 177). Особенное внимание Шустер уделяет наиболее уязвимым категориям — женщинам и подросткам. Женщины и дети особенно нуждаются в доме, в котором они не будут подвергаться насилию (р.105, 134–135).

Пространственная сегрегация: как с помощью дискурсивных и физических границ наделенные властью люди маркируют пространство и диктуют, кто в том или ином пространстве имеет право жить, работать, отдыхать (р. 18). Пространство одновременно конституирует смыслы и подвергается их влиянию, доступное бездомным пространство сужается (р. 84–86, 89). Удивительно, как может деформироваться физическая среда и превращаться в долговечные материальные тексты/ структуры, например, бетонные стены, за которыми находятся палаточные лагеря и которые делают бездомность невидимой (р.19). Шустер в качестве одного из примеров прослеживает судьбу коренных народов, которые были вынуждены покинуть места своих предков, жить в резервациях и палаточных лагерях вдали от дома, и страдать от межпоколенческой драмы и «духовной бездомности» (р. 52, 55).

Подходы и решения. Что касается выводов, в очередной раз в рамках многих исследований в области бездомности постулируется, что доминирующий дискурс о бездомности меняет местами причины бездомности и следствия, и что именно предоставление доступного жилья (р. 156, 184, 187) позволит разорвать порочный круг, успешно бороться с зависимостями и не толкать людей на преступления в попытке выжить на улице (р. 99, 101). Ничего неожиданного, но, вероятно,

многократное повторение можно расценивать как академический активизм, еще одну стратегию по слову стереотипов и мифов.

В завершение хочется сказать, что для меня эта книга важна и тем, что Шустер отсылает к большому количеству текстов, посвящённых проблеме бездомности, из разных научных областей, с привлечением разных теорий, с разным дизайном исследования. Мы с коллегой планируем проводить исследование женской бездомности в России и находимся в поисках теоретической и методологической оптики (или комбинаций из нескольких) для своего проекта, и, кажется, я обнаружила весьма интригующие решения.

Помимо безусловно полезных концептуализаций тех пространств, в которые заключены бездомные и тех, из которых они исключены (р. 19, 22, 177), классификации бездомных (р. 109), типов стигматизации (р. 9–10, 12, 16) можно посмотреть на способы исследования приютов для бездомных, определяя их как тотальные институты по Гофману (р. 151, 178). Поскольку бездомные описывают ночлежки как «свалки, созданные правительством, чтобы не предоставлять бездомным доступное жильё», «концлагеря» (р. 153, 154), стараются в них не оставаться (р. 137, 138–139, 176), жалуясь на строгий распорядок и постоянный надзор, исследователи предлагают использовать концепцию тотального института для демонстрации того, как работники временных приютов — носители власти — жёстко регламентируют распорядок дня, устанавливая правила (когда вставать и ложиться спать, как одеваться, с кем разговаривать, где хранить вещи и сколько можно мыться) и санкции в случае их нарушения, выстраивают иерархии, в которых бездомные оказываются бесправными и расчеловечиваются (р. 152), ощущают себя винтиками на конвейере.

Итак, Гофман для меня оказался самой ценной находкой. Пока непонятно, насколько эта рамка приложима к российскому контексту, но изящная имплементация её в упомянутых Шустер исследованиях и своём тексте снова напоминает о том, какой большой удачей будет определиться с теорией, которая позволит не просто описывать индивидуальные истории, а увидеть за ними более масштабную картину.

А. А. Ченцова